

Памяти А.А. Залевской,
талантливого учёного и замечательного человека

ФЕНОМЕН ИМПЛИЦИТНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

О.В. Голубева

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва

Статья посвящена изучению научных подходов к феномену имплицитности, представленных в трудах Ч.С. Пирса, Г.П. Грайса и его последователей, в работах Тверской психолингвистической школы под руководством А.А. Залевской. Проведённые исследования доказывают наличие имплицитного выводного компонента в динамической структуре значения единицы языка, активируемого в процессе естественной коммуникации. Имплицитное знание представляет собой интегративную структуру, составную часть внутреннего контекста индивида, репрезентирующую сформированный ранее оптимальный способ идентификации значения познающим субъектом.

***Ключевые слова:** имплицитное знание, интерпретанта, импликатура, смысловая опора*

1. Введение

Развитие современной лингвистической науки невозможно без исследования глубинных основ коммуникации, связанных с выявлением скрытых интенций участников, учётом их знаний, уникального опыта, имплицитно опосредующего ход познания и общения. Отсюда «коммуникация достигается отнюдь не за счет оперирования блоками одинакового содержания. Это гораздо более сложный диалектический процесс непрерывного поиска общего в различном» [6: 39].

В поиске смыслового компромисса коммуниканты опираются как на общее, разделяемое знание, формируемое в деятельности социума и закреплённое в узусе, так и на индивидуальные итоги познавательной активности, вербализуемые в процессе общения. Последние составляют имплицитный багаж индивида, «...познающего мир, чувствующего и субъективно помечающего всё воспринятое, в том числе и связанное со словом – важнейшим инструментом познания, общения, адаптации к естественной и социальной среде» [3: 13].

2. Обсуждение и результаты

По мнению А.А. Леонтьева, «естественный язык является лучшей моделью человеческой мысли. Мы структурируем язык, а значит, структурируем мысль» [5: 49–50]. Так, составляя суждение об объектах, их свойствах, т.е. выявляя общее и частное, человек опирается на универсальную логическую модель «субъект – предикат», получающую языковое воплощение. Структурной особенностью логического вывода является импликация,

бинарная связка между субъектно-предикатной основой посылок и вытекающего из них следствия. Другими словами, импликация в логике – это скрытая схема получения объективно правильного (истинного) суждения.

2.1. Подход к проблеме имплицитности Ч.С. Пирса

Настоящий прорыв в логике обеспечил прагматический подход Ч.С. Пирса (прагматическая логика Ч.С. Пирса). В отличие от классических концепций учёный представил логику как теорию знаков и стал одним из первых, кто моделировал процесс семиозиса (трёхэтапное когнитивное преобразование знака человеком) через абдуктивный, индуктивный и дедуктивный вывод. Знак (в том числе и языковой), включённый в непрерывный процесс познавательной деятельности, всегда оставляет имплицитный «след» в опыте взаимодействия с ним. Этот «след» трактуется как интерпретанта, или «навык организма реагировать под влиянием знакового средства на отсутствующие объекты». Например, мокрая трава в качестве посылки наводит на мысль о дожде ночью [8: 45–46]. Отсюда интерпретанта выступает имплицитной установкой, опосредующей посылку и обеспечивающей правдоподобный вывод о знаниях, репрезентируемых этим знаком.

В процессе первичной фазы взаимодействия (абдукции) выводится знание о возможном положении дел (something may be), возникает интуитивная гипотеза-догадка (guessing) о том, как трактовать значение знака. Абдуктивный вывод Ч.С. Пирса лежит в основе понятия инференции, или «процесса формирования мнения о чём-либо; суждения о смысле какого-то действия, усвоенного в ходе подобного процесса» [16: 536]. Это суждение имеет пропозициональную структуру, а правдоподобие определяется субъектом в соответствии с социальным / моральным законом, что характеризует вывод как гипотетический, однако, «обладающий силой необходимости» [7: 137].

Интуитивный вывод с опорой на прежний релевантный способ оперирования знаниями об объекте проверяется осознанно через индукцию, что подкрепляет истинность новой гипотезы эмпирически (something actually is), и дедукцией, устанавливающей правила и критерии классификации (something must be) [8: 48]). Соответственно, любой знак в динамике познавательной деятельности индивида «обрастает» имплицитным багажом знаний о способах взаимодействия с ним. Новое знание формируется ретродуктивно, т.е. с опорой на прежний опыт, признанный индивидом релевантным и правдоподобным.

Прагматический подход Ч.С. Пирса обеспечил научное обоснование для современных исследований в логике, психологии, лингвистике. Выводы учёного дали возможность обосновать наличие имплицитного знания, которое представляет собой когнитивные процедуры (смысловые опоры, модели) как результат оперирования знаком. Такие имплицитные опоры трактуются в когнитивной психологии как эффект подготовки (priming), когда индивид заранее обладает опытом взаимодействия с физическим объектом или замещающим его знаком, в том числе и языковым (см. труды Дж.Р. Андерсона, Л. Барсалоу и других).

2.2. Психологические основы процесса коммуникации в теории имплицатур Г.П. Грайса

Ещё в 40-х годах Г.П. Грайс, рассуждая о философской теории личной идентичности (theory of personal identity. *Здесь и далее перевод наш – О.Г.*), высказывал гипотезы о психологической окрашенности речевой деятельности. Учёный ввёл термин «общее ситуативное состояние» («total temporary state (t.t.s.)»), чтобы описать процесс последовательной активации в памяти «здесь и сейчас» компрессий (серий) когнитивных структур: элемент серии «запускает» схожие ранее сформированные серии. Так, серия «общие представления о храброе офицере» содержит «след» памяти о конкретном храброе офицере, его геройском поступке и т.д. Предложения с местоимениями (*Someone hears a noise*) не могут быть перефразированы структурно, но уточняющие замены происходят в соответствии с подходящими сериями репрезентаций [10: 88–89]: *The girl hears a noise.*

Развивая идею о включении в значение единицы языка имплицитного компонента, Г.П. Грайс считает возможным различать три элемента значения: что сказано / эксплицировано (what is said), что конвенционально подразумевается (what is conventionally implied), что подразумевается субъективно (what is nonconventionally implied). Если скрытый компонент значения (имплицатура), пропозициональный по структуре, предметно обусловлен, то он отражает «естественное» толкование знаний об объекте (natural meaning). Если речь идёт о субъективно выводимых смыслах (намерениях), то значение считается коммуникативным, прагматическим (non-natural meaning).

В первом случае вывод априорно правдоподобен, так как опирается на опыт взаимодействия организма и действительности: *x means that p entails that p* (*Those spots mean measles*). Имплицатура рассматривается как конвенциональная, если она соотносится с логическими суждениями, имеющими языковые маркеры: *but, moreover, still, yet* и т.д. В предложении *She was poor but she was honest* бедность как характеристика носителя противопоставлена честности, из чего можно сделать вывод, что говорящий стремится компенсировать отрицательность первой характеристики за счёт положительности второй [11: 213–215, 220].

Коммуникативное значение (meaning conveyed in verbal communication) предполагает понимание как самого высказывания, так и коммуникативных намерений говорящего («A uttered x with the intention of inducing a belief by means of the recognition of this intention») [там же: 222]. Подобное значение связано с понятием речевых имплицатур (conversational implicatures), являющихся достоянием внутренней речи, не требующих вербализации, но обязательно ситуативно правдоподобных (factually satisfactory [11: 56]). Коммуникативные имплицатуры выводятся интуитивно на базе устойчивых имплицитных знаний (general implicatures) и личного опыта индивида (particular implicatures). Пример первых – скалярные имплицатуры (*some / any, not all, most*), которые обрели для носителя языка значение «по умолчанию» (default meaning).

Частные речевые имплицатуры не разделяемы в социуме, они являются неким имплицитным продуктом прежнего опыта индивида. Так, следующие фразы диалога «Alan Jones: Do you want to join us for supper? Lisa: No thanks. I'm on a diet» предполагают выведение частной речевой имплицатуры «я не хочу вас видеть» / «у

меня есть более важные дела», которые нельзя получить из буквального значения высказывания «я придерживаюсь диеты» или отнести к общей речевой имплицатуре «я не ужинаю, так как боюсь поправиться» [13: 481–482].

Содержательное наполнение, приписываемое речевой имплицатуре, неразрывно связано с принципами (процедурами), или максимами, по Г.П. Грайсу, необходимыми для её выведения. Среди них: необходимый объём информации (Quantity), правдоподобие (Quality), лаконичность (Manner), релевантность (Relation). В научных трудах последователей учёного содержание и количество процедур-эвристик менялось. Например, Д. Спербер и Д. Уилсон, считающие коммуникацию инференционным процессом (*ostensive-inferential communication*) с опорой на ранее сформированные (остенсивные) стимулы, признают принцип релевантности *R* основным в обеспечении нужного коммуникативного воздействия (эффекта), а сама релевантность выступает фундаментальным свойством процессов познания.

Упомянутые выше прагматические теории внесли несомненный вклад в изучение феномена имплицитности, а именно:

1) имплицитное знание формируется в процессе познавательной деятельности и коммуникации, фиксируется в памяти в виде оптимально удобного *ad hoc* способа достичь успеха коммуникации;

2) это знание структурировано: в виде устойчивого остенсивного символа (Д.Спербер, Д. Уилсон), релевантных концептуальных образований (*ad hoc concepts* [там же: 265–266]), отражающих процесс динамического согласования внешних и внутренних посылок, значения «по умолчанию», ситуативной схемы реагирования в схожей ситуации. Оно формируется вместе с семантикой высказывания [9: 39–40];

3) имплицитное знание активируется языковым триггером, опосредовано семантикой единицы языка, ситуативным контекстом и выводится при соблюдении коммуникативных принципов. Процесс напоминает «достраивание» или «додумывание» того, что вербализуется;

4) такое знание не требует экспликации, оно разделяемо в большей или меньшей степени участниками коммуникации;

5) подобное знание представлено как узкий или широкий контекст усвоения информации об объекте. В реальной ситуации коммуникации активируется та часть, которая релевантна *ad hoc*, а неактивные смыслы составляют концептуальный фон.

Несмотря на важный вклад прагматических теорий в изучение имплицитного компонента значения, объяснительный потенциал того, как формируется и функционирует имплицитное знание, нельзя назвать исчерпывающим. Процесс инферирования рассматривается как исчисление подходящих устойчивых вариантов, заданных в виде пропозиций, что является достаточно трудным делом. Возможность иных итогов понимания с опорой на субъективный опыт практически не учитывается, что признано самими учёными, называющими процесс выведения заключений упрощённым (*oversimplified*), а его итоги – типичными смысловыми сужениями (*stereotypical narrowings*) [13: 265–266].

Вероятно, поэтому всплеск научного интереса к теории Г.П. Грайса в первом десятилетии XXI века потихоньку угасает, так как учёные понимают необходимость интегративных подходов к проблеме, привлечении достижений из других областей науки, в частности когнитивной психологии и психолингвистики, использовании

экспериментальных методов исследования. В качестве примера можно привести изыскания Д. Спербера и его учеников (см., например, [12]).

2.3. Интерфейсная теория значения слова А.А. Залевской

Эволюционирование подходов к изучению феномена имплицитности показывает, насколько важным является применение экспериментальных методов и методик, большой вклад в разработку которых внесли работы отечественных психолингвистов в целом и А.А. Залевской как руководителя Тверской психолингвистической школы, в частности.

Как уже отмечалось, имплицитный компонент в структуре значения единицы языка обнаруживает разную степень устойчивости. Такие скрытые установки / смысловые опоры (термин А.А. Залевской) имеют ряд общих характеристик: выступают имплицитными предпосылками понимания, релевантным объяснением «для меня – здесь – сейчас» интенций говорящего; помогают снять смысловую неопределённость, могут носить устойчивый характер либо иметь субъективную специфику в силу особенностей познавательного опыта индивида.

Отсюда значение существует в двух ипостасях: как объективный, фиксируемый в словаре факт и результат опыта переживания вербализованных знаний. Такая двуплановость определяет психолингвистическую трактовку значения как интерфейса, медиатора между человеком и социумом: «от социального, закреплённого в словарях и текстах, к индивидуально-личностному, бытующему “в голове”» [4: 102].

Руководствуясь трудами А.А. Залевской и разработками Тверской психолингвистической школы в области изучения процесса идентификации значения слова / текста, мы полагаем, что основой формирования имплицитного знания является мультимодальный гипертекст (образ мира индивида), или «сеть связей между продуктами переработки перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта индивида, обеспечивающая внутренний контекст всего воспринимаемого и продуцируемого человеком при его адаптации к естественному и социальному окружению» [4: 150].

В отличие от прагматических трактовок имплицитности, рассматриваемой применительно к отдельной единице языка, концепция мультимодального гипертекста даёт представление о структуре хранения знаний, путях идентификации значения индивидом в ходе «живого» семиозиса: в сети внутреннего гипертекста запускается поиск релевантного смысла / признака среди всего многообразия смысловых связей, сформированных опытом оперирования словом. Итог можно определить как «я знаю это в общем, примерно», «я скорее чувствую это таким образом», «это хорошо / плохо для меня». То, что для человека является продуктом «внутреннего пользования», самодостаточно в понятийном плане, не требует эксплицитных объяснений и отчётливо проявляется в ходе психолингвистических экспериментов.

Схожие результаты опыта познавательной деятельности позволяют индивиду сформировать устойчивый ракурс видения совокупности релевантных признаков объекта, именуемого словом. Например, эксперименты показали, что идентификация значения лексических единиц, тематически относимых к сфере экономики (*кризис, кредит, ценная бумага, инвестиция*), проходит с приоритетом эмоционально-оценочного отношения субъекта к данному феномену. В случае со

стимулом КРЕДИТ (в эксперименте участвовало 169 испытуемых, изучено 181 реакция) в большинстве реакций наблюдались отрицательные коннотации (*зло, обман, плохо* и т.д.) (см. [1: 55–56]), что формирует имплицитную установку «по умолчанию»: «кредит – это плохо», хотя в словарной дефиниции такие оценочные смыслы не выявляются.

Схожая ситуация возникла при анализе реакций на стимул ЛЕЧЕНИЕ (в эксперименте участвовало 62 испытуемых, изучено 153 реакции), когда 73% вербальных реакций содержали отрицательные смыслы: *болезнь, смерть, неизлечимо больные, скучно, нудно, дорого* и т.д. (см. [2]), что расходится в эмоционально-оценочной части со словарной трактовкой. *Лечение* – «от лечить (применять медицинские средства для восстановления здоровья; принимать меры к прекращению болезни; излечению больного органа, части тела и т.д.); обладать целительными свойствами; *жарг.* настойчиво давать поучительные советы; *жарг.* вводить в заблуждение, обманывать» [14: 271]. Стоит обратить внимание на сравнительно недавно зафиксированные лексико-семантические варианты, несущие отрицательные смыслы (*надоедать, обманывать*), что даёт основание говорить о такой устойчивой имплицитной компоненте значения лексемы *лечение*, как неприятный физически и психологически процесс, исход которого скорее отрицательный.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что

- 1) имплицитный компонент является неотъемлемой частью значения единицы языка;
- 2) он представляет собой когнитивную структуру, формирующуюся на базе разнообразного опыта познания и общения индивида;
- 3) феномен имплицитности не может быть изучен без учёта роли индивида, достоянием которого является значение единицы языка (термин А.А. Залевской), подтверждением чему служит обращение современных учёных к экспериментальным исследованиям;
- 4) динамические изменения имплицитной структуры демонстрируют обретение устойчивости, разделяемости в социуме;
- 5) имплицитный компонент значения – не химера, а, вполне возможно, субстрат для формирования смыслов, закрепляемых в узусе.

3. Заключение

Таким образом, признание роли индивида, достоянием которого является слово, даёт возможность глубже изучить процесс смыслоформирования в акте коммуникации, по-новому оценить результаты деятельности, отражённые в языке. Доказательством необходимости изучения индивидуального знания, структурированного в виде внутреннего гипертекста, является повышающийся интерес учёных к экспериментальным исследованиям. В этой связи нельзя не согласиться с А.А. Леонтьевым, что «никакое знание не может стать общественным прежде, чем оно пройдёт через “индивидуальную” голову» [5: 111].

Список литературы

1. Голубева О.В. Имплицитность как условие смыслоформирования // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Филология. 2019. №.4(63). С. 7–13.

2. Голубева О.В. Адресат и адресант: поиск взаимопонимания Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2018. № 13(807). С.51–62.
3. Залевская А.А. Значение слова и живой поликодовый гипертекст // Вопросы психолингвистики, 2013. № 1(17). С.8–19.
4. Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. IASHE: Лондон, 2014. 179 с.
5. Леонтьев А.А. Психология общения: Учебное пособие для вузов. 2-е изд. доп. М.: Смысл, 1997. 363 с.
6. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
7. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб: Лаборатория метафизических исследований. Философский фак-т СПбГУ: Алетейя, 2000. 352 с.
8. Пирс Ч.С. Принципы философии: в 2 т. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Т. II. 320 с.
9. Chierchia G. Scalar implicatures, polarity phenomena, and the syntax / pragmatics interface // Structures and Beyond. Oxford University Press: Oxford, 2004. P. 39–103.
10. Grice H.P. Personal identity // Personal Identity. Berkeley: University of California Press, 1975. P. 73–95.
11. Grice H.P. Studies in the Way of Words. Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1989. 394 p.
12. Noveck I. Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 274 p.
13. Sperber D., Wilson D. Pragmatics // Oxford Handbook of Contemporary Analytical Philosophy. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. P. 468–501.
14. Толковый словарь ключевых слов русского языка / Под общ. ред. Г.Н. Скияревской. СПб.: Филологический факультет, 2014. 672 с.
15. LDCE: Longman Dictionary of Contemporary English. – London: Longman, 1992. Vol. I. 1229 p

THE IMPLICITNESS PHENOMENON IN LINGUISTIC STUDIES: TRADITIONAL AND MODERN APPROACHES

O.V. Golubeva

Moscow State Linguistic University, Laboratory of Psycholinguistics, Moscow

The article is devoted to the investigation of scientific approaches to the implicitness phenomenon, presented in the works of Ch.S. Peirce, H.P. Grice and his followers, the researches of the Tver School of Psycholinguistics headed by A.A. Zalevskaya. The studies carried out prove the presence of an implicit component in the dynamic structure of a language unit meaning, activated in the process of live communication. Implicit (inferential) knowledge is an integrative structure, an integral part of the internal context of an individual (term by A.A. Zalevskaya), representing the previously formed efficient way of identifying meaning which a person comprehends.

Keywords: *implicitness phenomenon, interpretant, implicature, evidential sense-formation patterns*

Об авторе:

ГОЛУБЕВА Ольга Васильевна, д.ф.н., ведущий научный сотрудник Лаборатории психолингвистики Московского государственного лингвистического университета, 2016golubeva@mail.ru.